

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-47-65

**Изгнание кавычек:
функции курсива в романе Е. Водолазкина
«Оправдание Острова»**

Марина Александровна Лаппо

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

marine.lappo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4335-5181>

Аннотация

Курсив в романе Е. Водолазкина «Оправдание Острова» входит в систему художественно маркированных типографических средств, задающих определенный ракурс прочтения текста. К этой системе, кроме курсива, относятся кавычки, набор заглавными буквами (капслоком), различное типографское выравнивание (выравнивание по ширине, по левому краю) разных фрагментов текста, а также буквицы в начальном слове в нарраторских частях.

Доказывается, что курсив (точнее, элементы текста, им выделенные) в рассматриваемом произведении, образуя особенный «текст в тексте», выполняет интегративную и смыслообразующую задачи.

В статье анализируются две ведущие задачи курсива в тексте романа: 1) маркирование имен собственных и 2) маркирование чужой речи, цитирования, в том числе священных книг. Данное использование курсива носит замещающий характер, так как курсив в романе вытесняет нормативные кавычки и символизирует и отсутствие кавычек в древних текстах, и тенденцию к устранению кавычек в современной научной и художественной прозе (в частности, в связи с новыми техническими возможностями компьютерного набора).

© Лаппо М. А., 2024

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 47–65

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2024, no. 2, pp. 47–65

Установлено, что, во-первых, фрагменты, где соединяются обе указанные выше функции кавычек в привычном регистре, следует распознавать как инверсию: использование кавычек маркирует стилизованный под древность, т. е. фейковый, текст. Во-вторых, выделенные курсивом элементы не только указывают на цитаты и имена собственные, но и выполняют функцию актуализации, маркирования логического ударения. К специальным задачам выделенных элементов относятся, например, обозначение оригинального мышления героя (окказионализмы, языковая игра) или динамических процессов в жизни общества (неологизмы, новая фразеология), создание иронического подтекста и др.

Ключевые слова

курсив, кавычки, когезия, графическое выделение, логическое ударение, смысловая доминанта текста, «чужое слово», Е. Водолазкин, «Оправдание острова»

Для цитирования

Ланно М. А. Изгнание кавычек: функции курсива в романе Е. Водолазкина «Оправдание Острова» // Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 47–65. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-47-65

The Expulsion of Inverted Commas: Functions of Italics in E. Vodolazkin’s Novel “Justification of the Island”

Marina A. Lappo

Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk, Russian Federation

marine.lappo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4335-5181>

Abstract

Italics in E. Vodolazkin’s novel “Justification of the Island” is a part of the system of artistically labeled typographical means that set a certain angle of reading the text. In addition to italics, this system includes inverted commas, capital letters (capslock), different typographical alignment (width alignment, left margin alignment) of different text fragments, as well as letters in the initial word in narratorial parts.

It is proved that italics (or, more precisely, the text elements highlighted by it) in the considered work, forming a special “text in the text”, fulfills integrative and meaning-forming roles.

The article analyses two leading tasks of italics in the text of the novel: 1) marking of proper names and 2) marking of someone else’s speech, quotations, including sacred books. This use of italics has a substitutive character, as italics in the novel displaces normative inverted commas and symbolises both the absence of inverted

commas in ancient texts and the tendency to eliminate inverted commas in modern scientific and artistic prose (in particular, due to the new technical capabilities of computer typing). Such use of italics corresponds to the previously noted creative attitude of the writer, described as “historical inauthenticity” (M. Lipovetsky) or “attitude to narrative overcoming of time” (V. I. Tyupa).

At the same time, the analysis of the text has shown that this use of italics is not total: the text contains both inverted commas and unquoted quotations/direct speech without a dash as a cue mark. It has been established, firstly, that fragments where both the above-mentioned functions of inverted commas in the usual case are combined should be recognised as inversions: the use of inverted commas an antiquity-styled, i.e. fake, text. Secondly, italicised elements not only indicate quotations and proper names, but also perform the function of actualisation, marking the logical accent. The special tasks of the italicised elements include, for example, marking the original thinking of the hero (occasionalisms, language play) or dynamic processes in the life of society (neologisms, new phraseology), creating an ironic subtext, etc.

Keywords

italics, inverted commas, cohesion, graphic emphasis, logical accent, semantic dominance of the text, “someone else’s word”, E. Vodolazkin, “Justification of the Island”

For citation

Lappo M. A. The Expulsion of Inverted Commas: Functions of Italics in E. Vodolazkin’s Novel “Justification of the Island”. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2024, no. 2, pp. 47–65. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-47-65

Актуальность изучения функций курсива в современной письменной речи определяется рядом факторов: динамическими процессами в нарративной структуре текста (о развитии художественной наррации см.: [Тюпа, 2021; Жиличева, 2022]), новыми технологиями печатного набора, влиянием зарубежных традиций на оформление текста, где, например, названия текстов принято давать курсивом без кавычек.

Курсив, или наклонное начертание печатного шрифта со скругленными формами, – одно из распространенных современных средств графического выделения, акцентуации и / или специального обозначения тех или других словесных элементов в текстах разных типов. В литературоведении и лингвистике уже описаны основные художественные функции графически выделенного слова. Так, Н. Е. Меднис, называя курсив элементом с четкой сигнальной установкой, пишет, что «курсив часто встречается в русской прозе, и функции его разнообразны», а самым простым, обычным случаем, представленным практически у всех писателей XIX в., является тот, «когда курсив указывает на психологический предикат (логическое ударение)»

[Меднис, 2011, с. 160]. Другой ведущей функцией курсива в художественной речи является «подчеркивание дистанции между “чужим” и “своим”, установление четкой границы и определенных отношений». При этом, как считает Н. Е. Меднис, для того чтобы выявить тип отношения к чужому слову, чужому сознанию – согласие, содружество, «правдивость» чужого слова или неприятие, полемика, его «лживость», – необходима дешифровка чужого слова, активизация первичного контекста [Там же, с. 160–161]. Кроме того, «иногда курсив как бы заменяет кавычки и вместе с тем (это главное) указывает на особую содержательность выделенного слова, которое является знаком обширного культурного или бытового контекста, во многом определяющего психологию героя»; автором приводится соответствующий пример из повести И. С. Тургенева «Несчастная»: «...пушкинский *Онегин* был тогда у каждого из нас свеж в памяти» [Там же, с. 160].

Т. А. Трипольская, указывает, что выделенное слово «является полифункциональной, сверхнагруженной» единицей лексической структуры текста, оно позволяет выявить его подтекстовую информацию (в терминологии И. Р. Гальперина [1981]), поэтому «особая роль отводится ее окружению», т. е. контексту [Трипольская, 2008, с. 340]. Анализируя функции разрядки (практически единственного доступного средства выделения в эпоху набора на печатной машинке) в тексте повести Ю. Трифонова «Дом на набережной», Т. А. Трипольская выявляет функции, характерные для любого художественного и нехудожественного текста (обозначение интонационного смыслового центра и выдвижение определенных смыслов), и функции, составляющие «неповторимый рисунок трифоновского текста» (организация подтекстовой информации, обеспечение связанности и целостности текста, роль ключевых слов, механизм «организации диалога между персонажами, повествователем и персонажем, автором и читателем» и др.) [Там же, с. 341, 348]. С формальной точки зрения использование курсива маркирует отступление от нормы (в стилистическом плане). Не случайно А. П. Сковородников считает курсив видом графона, «стилистического приема, представляющего собой стилистически значимое отклонение от графического стандарта и /или орфографической нормы» [Сковородников, 2011, с. 106].

Вытеснение кавычек курсивом (или другими средствами выделения) не является новым в научной и художественной прозе, поэтому в лингвистике не раз отмечалась взаимозаменяемость кавычек и курсива, например: «...в той же роли, что и кавычки, используются курсив, полужирный

шрифт, разрядка» [Шварцкопф, 1967, с. 63]. При этом Н. С. Валгина обращает внимание на то, что кавычки загромождают текст: «...поскольку кавычки имеют в качестве основной собственно выделительную функцию, возникает возможность при иных способах выделения (графического, позиционного и др.) опустить их как излишние. Особенно богат выделительными средствами печатный текст (в отличие от рукописного). Здесь используются курсив, разрядка, размер шрифта, отбивка и т. п., и потому кавычки сравнительно редки (они в какой-то степени загромождают текст и потому малоудобны)» [Валгина, 2004, с. 84]. Об отождествлении кавычек и курсива в функции выделения говорит и Анна А. Зализняк: «Пишущий хочет выделить данное слово или выражение (по разным причинам), сделать так, чтобы внимание читающего на нем задержалось. В этой функции используются также: в рукописном тексте – подчеркивание, в печатном – курсив, полужирный, разрядка или написание прописными буквами (то есть любое средство выделения)» [Зализняк, 2007, с. 192]. А. Г. Василенко находит убедительное объяснение тому, почему Ю. Трифонов останавливается на разрядке, отказываясь от кавычек: «Кавычки являются семантически перегруженным знаком. Было бы нецелесообразно использовать столь многофункциональный знак для сквозного приема, который должен был актуализировать внимание читателя на разных сторонах языкового знака. Следовательно, мы можем говорить о закавыченном слове как об определенном этапе в творческих поисках Ю. В. Трифопова в области формы» [Василенко, 2016, с. 195]. В контексте обсуждения вопроса корреляции собственно пунктуационных знаков и шрифтовых средств выражения метатекста Н. П. Перфильева относит курсив и другие графические средства выделения к имплицитным метапоказателям [Перфильева, 2006, с. 104]. Метатекст же, в концепции Н. П. Перфильевой, является важной составляющей осознанного речевого поведения, с внутренней стороны управляющей вниманием читателя и его пониманием текста, с внешней – разрушающей плавное течение текста, его линейный характер [Там же]. В связи с этим стоит воспринимать выбор курсива или кавычек в художественном тексте намеренным и целесообразным.

Сюжет романа Евгения Водолазкина «Оправдание Острова» (2021 г.) строится вокруг съемок фильма с одноименным названием. Фильм посвящен истории Острова, для создания сценария используются уже ранее опубликованные хроники («История Острова»), а также привлекаются дневниковые записи княжеской четы Парфения и Ксении, в которых комментируются фрагменты хроник. Читатель узнает о существовании «Ис-

тинной истории Острова», что дискредитирует достоверность хроник. Таким образом, все рассказчики – монахи-хронисты, князя Парфений и Ксения – являются ненадежными, и основная ответственность за реконструкцию событий ложится на читателя. Не последняя роль в идентификации замысла данного произведения отводится графически выделенным элементам.

Курсив в романе «Оправдание Острова» входит систему художественно маркированных типографических средств, задающих определенный ракурс прочтения текста. К этой системе относятся также кавычки, набор заглавными буквами (капслоком), различное типографское выравнивание (выравнивание по ширине, по левому краю) разных фрагментов текста, а также буквицы в начальном слове в нарраторских частях.

Появление текста, набранного **заглавными буквами**, является единичным (не считая названий глав и подглавок, относящихся к дневниковым записям Ксении и Парфения), поэтому капслок выполняет функцию актуализации, т. е. резко выдвигает в центр смысловой доминанты соответствующий элемент. Выделенность этого текста поддерживается комментарием, связанным с местом его расположения (вход в Университет) и цветом букв (золотые буквы):

Через три дня всякого входившего в Университет встречали золотые буквы:

ЧТО ЕСТЬ КОНСТАНТА?
ЕГО СВЕТЛЕЙШАЯ БУДУЩНОСТЬ КАСЬЯН.

Специальный **режим выравнивания**, напротив, носит регулярный характер. Выравнивание текста по ширине (совместно с более ярким цветом букв) используется для текста включенного нарратора (хрониста), например:

Прежде у нас не было истории. Память хранила отдельные события, но только те, которые имели свойство повторяться. Оттого существование наше как бы шло по кругу.

Мы знали, что за ночью следует день, а за зимой весна. Эти круги дают светила, плавающие по небесной тверди, и предел их странствия год. Год был и естественным пределом нашей памяти.

Мы смутно помнили о страшных ураганах и землетрясениях, о свирепых зимах, когда замерзало Море, о междоусобных войнах и нашествиях ино-племенников, но когда они были, определить уже не могли.

А вот фрагменты дневников Ксении и Парфения набраны с выравниванием по левому краю, что отражает фиксацию рукописного текста: если слева рукописный текст выровнять возможно, то справа – весьма затруднительно. См. пример:

ПАРФЕНИЙ

Агафон Впередсмотрящий учил, что пророчество не означает ограничения потомков в свободе. Они, потомки, вольны в своих действиях – насколько, разумеется, им это позволяют обстоятельства. Причина же обстоятельств, говорил Агафон, не Бог, а человек.

С ним трудно не согласиться: долгая жизнь убедила меня, что люди сами создают себе обстоятельства. Чаще всего, понятно, неблагоприятные. Бог же их видит и открывает людям через пророков. Иногда.

Так, через Агафона нам было явлено, когда прервется вражда на Острове. Никон Историк упоминает об этом пророчестве как о еще не сбывшемся: сейчас всем известно, что оно сбылось. Это было, так сказать, среднесрочное пророчество.

Еще одним оригинальным типографским элементом является использование символа **многоточия в ломаных скобках**, который обозначает «смысловую пустоту», изъятие текста, чаще всего для экономии места при передаче цитаты. В анализируемой книге такой элемент находится в оглавлении, приведем его фрагмент, где используется знак <...>:

Глава шестая. ГАВРИИЛ	105
Глава седьмая. ПАРФЕНИЙ	122
Глава восьмая. ИМПЕРАТОР НИКИФОР	139
<...>	
Глава четырнадцатая. ПАРФЕНИЙ И КСЕНИЯ	147
Глава пятнадцатая. КСЕНИЯ	171

Такой пропуск является значимым: он указывает на утраченные главы в хронике, которые восстановить невозможно. В соответствующем тексте (глава восьмая) слова нарратора обрываются на полуслове. Парфений комментирует этот пропуск так: «*Мя* – это *мясом*. На таком сытном слове хроника прерывается на 150 лет. 150 дальнейших лет попросту вырезаны. <...> Вырезать листы, описывающие время *имперской оккупации*, много лет спустя приказал министр островного Правительства Атанас. Оказалось, что эти листы не являются страницами героического прошлого». Этот нарративный прием изъятия страниц усугубляет недоверие к содер-

жательной стороне хроник Острова и активизирует интерпретационную активность читателя.

Курсив в «Оправдании Острова» представляет собой наиболее сложно организованное художественное графическое средство. В тексте романа имеется около 150 фрагментов, в которых используется курсивное начертание; единицей курсива являются различные элементы – буква, слово, словосочетание, целое высказывание. Поскольку курсив используется регулярно на протяжении всего романа, он становится и средством когезии, т. е. связанности отдельных элементов [Гальперин, 1981], и особым «текстом в тексте», т. е. специфическим риторическим построением, «при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста» [Лотман, 1992, с. 156].

В рассматриваемом тексте выявляются две ведущие функции курсива: маркирование названий и маркирование чужой речи. К первой группе элементов, выделенных в тексте романа курсивом, относятся наименования различного рода, прежде всего артефактов. По правилам русской орфографии и пунктуации, «в названиях, состоящих из родового наименования и наименования, не сочетающегося с ним синтаксически, последнее заключается в кавычки и в нем пишутся с прописной буквы первое (или единственное) слово и собственные имена, напр.: *гостиница «Россия», выставка «Золото скифов»* [Правила русской орфографии..., 2009, с. 184]. Аналогичные правила применяются к названиям литературных и научных произведений, произведений искусства, документов, периодических изданий [Там же, с. 186–187]. Названия произведений марок машин пишутся в кавычках со строчной буквы, кроме названий, совпадающих с собственными личными и географическими именами, ср., например, *автомобиль «Волга» и автомобили «вольво», «тойота»* [Там же, с. 189].

Следующие случаи употребления курсива нарушают указанные правила:

(а) наименования рукописных и печатных текстов (хроника *История Острова*, хроника *Истинная история князя Юстина, написанная Прокотием Гугнивым / Истинная история*, семейная хроника *Улей*; [прорицание] *Агафона Впередсмотрящего прорицание о грядущих временах*; периодическое издание *Островной листок*; подшивки *Северной пчелы*; иноземная книга *Вересковый мед*; книга *Восковая персона*; *Словарь крылатых фраз*; *Декларация о намерениях*);

(б) названия произведений искусства (фильмы *Оправдание Острова*, *Человек без биографии*, сериал *Коломбо*; какая-то русская мелодия *Полет шмеля*; песня *Liberta*; скульптура *Лаокоон*; фреска *Чудо Георгия о змие*);

(в) марки автомобилей *роллс-ройс*, *испано-сюиза*.

Другие выделенные курсивом наименования, хотя формально и не нарушают нормы письменной речи, но также привлекают внимание читателя. К ним относятся:

(г) денежная единица *касьян*;

(д) войны, исторические периоды, отдельные события (*Война родословий*; время *имперской оккупации*; *тяжелое апагонское иго*; два месяца *Великого стояния на Реке*; раздел истории *пророчество*; чудовищная *анти-история*; *чудо Юстина о змие*);

(е) объединения, группы людей (отряд *быстрого кавалерийского реагирования* и отряд *кавалерийского быстрого реагирования*; *Островное историческое общество*; *желтые жилеты*);

(ж) прозвища людей, обращения (*предвидцы*; прозвище Агафона *Впередсмотрящий*; *Радость моя* – так Ксению называет Парфений; *отрыжка фукеевицины* – «так Его Светлейшая Будущность определил взгляды Атанаса»; Ксения и Парфений, ранее бывшие *оплотом гуманизма* на Острове, превратились во *врагов прогресса, туземных князьков и воинствующих мракобесов*);

(з) университетский курс *Течение времен*;

(и) государство *Остров миллионеров*.

К группе имен и прозвищ людей примыкают случаи толкования имен. Курсив, как мы видим, используется в значении кавычек, в которые заключается толкование, например:

У тебя, князь, будет сын именем Парфений, что значит *девственник*. У князя же Андроника родится дочь Ксения, то есть *чужая*, что можно понимать как *чужая миру*. И соединятся в браке, и с их соединением на Острове утихнет междоусобица.

Использование курсива в большинстве данных наименований можно определить как функцию знака обширного культурного контекста (Н. Е. Меднис), при этом одни наименования, являясь вымышленными, конструируют художественную реальность самого Острова (*История Острова*, *касьян*, *фукеевицина*, *предвидцы*, *апагонское иго* и др.), а другие утверждают его реальность, включая в контекст реальные культурно значимые артефакты (*Чудо Георгия о змие*, *Полет шмеля*, *роллс-ройс*, *испано-*

стюиза, желтые жилеты, Северная пчела, Лаокоон, Коломбо, Вересковый мед, Восковая персона и др.).

Ко второй группе элементов, выделенных в тексте романа курсивом, относятся «чужие», в том числе новые, неосвоенные слова и фрагменты чужой речи. Так, курсивом выделены неологизмы (окказионализмы), новая фразеология, т. е. появившиеся в настоящее время устойчивые выражения, фиксирующие какие-либо изменения в поведении людей: *предвидцы, байопик, дводинокество, послетрясение, фастфуд, круглые столы и презентации, роллы и канале, я вас услышал, цена вопроса? это твои проблемы*. Ср. с приемом сталкивания устаревших и актуальных лексем – вариантов наименований идентичных понятий в романе Е. Водолазкина «Авиатор», где такие слова также набраны курсивом: *Оредежь* (прежнее название реки, слово женского рода) и *Оредеж* (слово мужского рода), *авиатор и лётчик, автомобиль и машина, пульверизатор и спрей*.

К фрагментам чужой речи, выделенным курсивом, относятся цитирование священных текстов, устойчивые обороты и крылатые фразы, отдельные записи в хронике, отдельные высказывания героев, включенных в партию нарратора, или дневниковых записей Парфения и Ксении. При этом, поскольку не все указанные элементы в тексте получают выделение курсивом, следует считать, что на выделенные элементы падает логическое ударение.

Передача **фрагментов священных текстов**, выделенных курсивом, точная, но, как правило, данные фразы совмещаются с какой-либо аномалией, заявляемой в контексте. Приведем примеры (см. фрагменты 1–4).

1. О прошлом же привезенные на Остров книги сообщили нам, если вкратце, следующее.

В первый день создал Бог небо и землю, земля же была невидима и неукрашена, и Дух Божий носился над водой, оживляя водное естество. И сказал Бог: *Да будет свет!* – и было так.

Ср. с аналогичным фрагментом из Книги Бытия: *В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один* (Бы-

тие 1:1–5¹). Аномальным являются и сама презентация Библии (*о прошлом же привезенные на Остров книги сообщили нам, если вкратце...*), и искаженный пересказ ее начала, включающий такие компоненты, как *земля же была невидима и неукрашена, оживляя водное естество*.

2. Предвидя возражения Парфения, августейший философ указал, что присоединенных государств слишком много не бывает, поскольку, по слову Екклесиаста, *все реки текут в море, и море не переполняется*. Пока же хоть одна река в море не впала, воды в нем не будет достаточно, а потому император от своей цели не отступится.

Действительно, в Книге Екклесиаста есть строчка *Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь* (Еккл. 1:7). Однако верно передано только ее начало, искаженное продолжение *Пока же хоть одна река в море не впала, воды в нем не будет достаточно, а потому император от своей цели не отступится* является манипуляцией, аргументом целесообразности желания императора Никифора присоединить Остров к апагонской империи.

3. Я было оскорбился, хотел обратиться к нему [брату Иннокентию] некие досадительные слова. Напомнить, по крайней мере, что *не наше дело знать времена или сроки*, нам надлежит лишь всё внимательно записывать.

Немного переделанная фраза из «Деяний святых апостолов»², в которой *ваше дело* заменяется на *наше дело*, определяется как «досадительные» слова. Употребление окказионализма *досадительный* («вызывающий досаду») делает данное высказывание атипичным.

4. Когда же Председатель напомнил присутствующим, что *блаженны миротворцы*, губы Парфения тронула улыбка. Впервые за много лет он услышал крылатые слова, которые принадлежали не Касьяну.

¹ Здесь и далее фрагменты священных текстов приводятся по русскому синодальному переводу. См.: Азбука веры [православный портал]. URL: <https://azbyka.ru/> (дата обращения 01.03.2024).

² «Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю? Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деяния святых апостолов 1:6–8).

Аномальность употребления одной из заповедей блаженства в знаменитой Нагорной проповеди Христа (Матф. 5:9) эксплицирована в контексте: *впервые за много лет он [Парфений] услышал крылатые слова, которые принадлежали не Касьяну.*

Выделенные курсивом **устойчивые обороты речи, крылатые фразы** чаще всего маркируют языковую игру нарратора, например в следующем фрагменте.

5. При создании великих империй воплощалось всеобщее стремление к объединению, и всякий раз историки находили какие-то для этого причины. Но теми же причинами они впоследствии объясняли и распад империй, всякий раз заявляя, что *причины на поверхности*. Пожалуй, что на поверхности – в том смысле, что все они очень поверхностны.

Здесь мы видим трансформированный фразеологизм *лежать на поверхности* ('быть ясным, самоочевидным' [Словарь русского языка, 1985–1988]), выделение курсивом которого привлекает внимание к ложной этимологии *на поверхности – в том смысле, что все они очень поверхностны*, т. е. 'несущественны'. Данное сближение однокоренных слов можно трактовать как языковую игру.

Включение серии пословиц (фрагмент 6) или крылатых фраз (фрагмент 7) задает сатирический тон описываемым ситуациям.

6. Поддерживаемый населением, кот начал произносить приличествующие случаю пословицы. *Где лад, там и клад. Не мил и свет, когда милого нет.* Поколебавшись, он добавил: *Влюбился – как мышь в короб ввалился.* После того, однако, как слушатели поднесли выступающему настой из корня валерианы, из уст его стали раздаваться некие неспрадные вещи.

Помрачнев, кот промурлыкал: *Без меня меня женили – я на мельницу ходил*, еще же: *Любовь зла – полюбишь и козла*, а также и иные неподобающие выражения. Когда всё это было оглашено, ката начали спешно уводить, ибо, подобно людям, животные в опьянении не отдают себе отчета в сказанном и способны нанести тяжкие оскорбления окружающим.

7. Взгляд Жана-Мари сосредоточивается на новой порции ризотто. Она появилась из ниоткуда. Высший класс: большой палец в честь официанта. Кого он не может найти для своих фильмов – так это хорошего официанта. Нет, он не шутит. Если угодно, самая трудная роль – это *кушать подано*. Здесь так мало пространства для выражения. Следуя указанию режиссерского ножа, на его тарелке оказываются черные маслины. Между тем, в этих двух словах должно быть всё: *и Фигаро тут – Фигаро там*, и *звук лопнувшей струны*, а может, и – *быть или не быть*.

Во фрагменте 6 как содержание пословиц, так и их метакомментарий (*некие несправедливые вещи; иные неподобающие выражения*) снижает предвосхищаемый пафос венчания Парфения и Ксении. Во фрагменте 7 отождествление содержания фраз *кушать подано* (символизирующей самую незначительную роль в театре) и крылатых фраз, ставших визитными карточками мировых шедевров (*Фигаро тут – Фигаро там; звук лопнувшей струны; быть или не быть*) оказывает аналогичное воздействие – нейтрализация пафосности ситуации.

Выделенные курсивом фрагменты маркируют **включение чужой устной или письменной речи**. Значительную часть из них составляют реплики Председателей Острова Касьяна, Маркела или Власа³, такие как: *в жизни всякого народа существует прошлое, настоящее и будущее; история должна отражать не только прошлое; мы же занимаемся научным предвидением, которое единственно правильно, потому что верно; в искусстве мы ценим прежде всего реализм; в новую жизнь с новыми деньгами; деньги обладают покупательной способностью; реальность должна быть реальной; пчела всем нам учитель*.

Сменивший председателей первый Президент Острова Вальдемар также отличается несуразными высказываниями, как в следующем фрагменте.

8. Кратким общением с Фирсом Президент остался чрезвычайно доволен и отметил, *что в изготовлении железобетонных изделий ведущую роль должна играть кавалерия*. По старой островной традиции это замечание Президента в тот же день было вывешено над заводскими воротами.

Все данные фразы нелепы, алогичны и, как правило, носят интертекстуальный характер, становятся на Острове расхожими и фиксируются в «Словаре крылатых фраз» (см. фрагмент 9).

9. Что ж, молвил Его Светлейшая Будущность, так изобразим же друга нашего Маркела сидящим на пони, потому что *в искусстве мы ценим прежде всего реализм*.

Высказывание Председателя было безотлагательно записано его секретарем. Продолжая искусствоведческое толкование фрески, Касьян добавил, что в вольере крокодила мог поместиться только пони, но ни в коем случае не боевой конь, которого тщились изобразить изографы. Слова Касьяна о реализме секретарь отправил с нарочным в редколлегию *Словаря крылатых фраз*. Подумав, он отправил туда же замечание о том, что в вольере

³ Маркел сменил Касьяна в этой должности, Влас – Маркела.

крокодила может поместиться только пони. И не ошибся: соединение реализма и загадочности обеспечило этой фразе широкую известность.

Другая часть выделенных курсивом фрагментов чужой речи, вкрапленной в нарратив, связана с темой пророчества Агафона Впередсмотрящего и реализацией этого пророчества Парфением и Ксенией. Хотя фрагменты текста с курсивом, где цитируются устные высказывания (фрагмент 10), записи (фрагмент 11) и высказывание Христа (фрагмент 12), совмещающее произносимое (Слово Спасителя) и записываемое (Евангелие от Матфея), также описывают ту или другую аномальность, они не передают иронию, насмешку.

10. Вчера заполняла какую-то анкету. На вопрос *сколько вам полных лет?* произнесла:
– Триста сорок семь.
Даже не улыбнулись.

Атипичным в данном диалоге является не сам вопрос, а ответ на него (*347 лет*) и реакция на ответ (*даже не улыбнулись*). Таким образом привлекается внимание к особенному положению Парфения и Ксении: их время течет медленнее обычного, как в ветхозаветный период, когда люди жили гораздо дольше обычного.

11. На последнем листе рукописи помещена загадочная приписка. В опубликованном виде она выглядит так:
У Агафонова гроба не обретет пророчества голос никто источник есть сведений о будущем Острова.

Строение этой фразы необычно, и смысл ее темен. Ясно лишь, что она как-то связана с пророчеством Агафона Впередсмотрящего. Но – как?

Здесь аномальность выделенного фрагмента эксплицирована в метакомментарии (*загадочная приписка; строение этой фразы необычно, и смысл ее темен*).

12. Но ведь сказано Спасителем: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них*⁴. Получается, что их было трое, потому что с ними был Христос.

⁴ «Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Матф. 18:20).

Данный фрагмент является ключевым для идентификации замысла, поскольку выясняется, что предсказание Агафона Впередсмотрящего («И если не обретется среди вас трех праведников, чтобы взойти на Гору и говорить с Ним, пребудет жизнь ваша в дыму и мраке») было исполнено верно: с княжеской четой во время восхождения пребывал Христос.

Выше мы уже отмечали, что подобное использование курсива не является тотальным: имеются не выделенные курсивом или знаком тире цитаты / прямая речь. Кроме того, в тексте романа есть и кавычки.

13. Филипп достает из папки плотный шершавый лист со стилизованными под древность буквами.

– Вот... Приписка Прокопия на последнем листе «Истинной истории...»

Склонившись над листом, читаем: «У Агафонова гроба не обретет прочтения голос никто источник есть сведений о будущем Острова».

Ах, вот оно что...

Представляется, что этот фрагмент, где соединяются обе указанные функции кавычек в привычном регистре (обозначение названия и маркирование чужой речи), следует распознавать как инверсию: использование кавычек маркирует стилизованный под древность, т. е. фейковый, текст⁵. Указанный прием неожиданно меняет, переворачивает отношение читателя к хроникам, превращая «Историю Острова» в достоверное повествование.

Подведем итоги. Элементы текста, выделенные курсивом, в романе Е. Водолазкина «Оправдание Острова», образуя специфический «текст в тексте», играют интегративную и смыслообразующую роли. Курсив у Водолазкина одновременно и многофункциональный маркер, актуализатор целого ряда смыслов, и четкий указатель диалогического характера нарратива. К разнообразным функциям курсивного выделения в «Оправдании Острова» прежде всего можно отнести вытеснение привычных, нормативных кавычек, в которые берутся наименования и цитаты, что символизирует «райскую вневременность» (в древних текстах кавычек не было, в современных они заменяются другим средствами выделения). Подобное использование курсива соответствует ранее отмеченной творческой установке писателя, описываемой как «историческая венаходи-

⁵ Ср. с известным жестом указательными и средними пальцами обеих рук кавычек, смысл которого «якобы верный, правдивый?».

мость» (М. Липовецкий [2019]) или «установка на нарративное преодоление времени» (В. И. Тюпа [2020]).

Две подгруппы высказываний, выделенных курсивом, создавая «текст в тексте» не только по формальному признаку, но и по содержательному, – указывая на какую-либо аномальность, атипичность, маркируют ироническую, сатирическую и серьезную, праведническую тональность текста, вступают друг с другом в диалогические отношения, тем самым нагружая читателя более трудными задачами по декодированию авторского замысла.

Список литературы

Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М.: Высш. шк., 2004. 259 с.

Василенко А. Г. Графически выделенное слово: эволюция художественного приема (на материале творчества Ю. В. Трифонова) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 193–199.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

Жиличева Г. А. Неокумулятивная интрига в современной прозе (на материале романов А. Сальникова) // Narratorium. 2022. Вып. 16. URL: <https://narratorium.ru/2022/12/12/г-а-жиличева-новосибирск-нгпу-москва/> (дата обращения 01.03.2024).

Зализняк Анна А. Семантика кавычек // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. Междунар. конф. «Диалог – 2000» / Под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 188–193.

Липовецкий М. Анахронизмы в Лавре Евгения Водолазкина, или Насколько серьезна «новая серьезность» // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 2019. С. 49–66.

Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 149–161.

Меднис Н. Е. Функции курсива в русской прозе XIX века // Меднис Н. Е. Поэтика и семиотика русской литературы. М.: ЯСК, 2011. С. 160–168.

Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий: Монография. Новосибирск: НГПУ, 2006. 285 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2009. 480 с.

Сковородников А. П. Графон // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Академия, 2011. С. 106–109.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985–1988.

Трипольская Т. А. Выделенное слово в лексической организации текста // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: Сб. ст. Новосибирск: НГУ, 2008. С. 340–349.

Тюпа В. И. Автор и нарратор в истории русской литературы // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 22–39.

Тюпа В. И. Осевая нарратологическая категория в исторической перспективе // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 1. С. 10–31.

Шварцкопф Б. С. Внимание: кавычки! // Русская речь. 1967. № 4. С. 60–64.

Список источников

Водолазкин Е. Г. Авиатор: Роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. 410 с.

Водолазкин Е. Г. Оправдание Острова: Роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 416 с.

References

Evgeneva A. P. (ed.). Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. 3rd ed. Moscow, Russian Language, 1985–1988. (in Russ.)

Galperin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as the object of linguistic research]. Moscow, Nauka, 1981, 140 p. (in Russ.)

Lipovetsky M. Anakhronizmy v Lavre Evgeniya Vodolazkina, ili Naskol'ko ser'ezna "novaya ser'eznost" [Anachronisms in Evgeny Vodolazkin's "Laurus", or How serious is the "new seriousness"]. In: A. Skotnickaja, Ya. Svezhij (eds.) Znakovye imena sovremennoi russkoi literatury: Evgenii Vodolazkin [Iconic names of modern Russian literature: Evgeny Vodolazkin]. Krakov, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019, pp. 49–66. (in Russ.)

Lopatin V. V. (ed.). *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyii akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian orthography and punctuation. A complete academic reference book]. Moscow, Eksmo, 2009, 480 p. (in Russ.)

Lotman Yu. M. *Tekst v tekste* [Text in text]. In: Lotman Yu. M. *Izbrannye stati* [Selected articles]. In 3 vols. Tallin, Aleksandra, 1992, vol. 1, pp. 149–161. (in Russ.)

Mednis N. E. *Funksii kursiva v russkoi proze XIX veka* [Functions of italics in Russian prose of the 19th century]. In: Mednis N. E. *Poetika i semiotika russkoi literatury* [Poetics and semiotics of Russian literature]. Moscow, Languages of Slavic culture, 2011, pp. 160–168. (in Russ.)

Perfileva N. P. *Metatekst v aspekte tekstovykh kategorii* [Metatext in the perspective of textual categories]. Monograph. Novosibirsk, NSPU Press, 2006, 285 p. (in Russ.)

Shvartskopf B. S. *Vnimanie: kavychki!* [Attention: inverted commas!]. In: *Russkaya rech* [Russian Speech], 1967, pp. 60–64. (in Russ.)

Skovorodnikov A. P. *Grafon*. In: *Kultura russkoi rechi: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Culture of Russian Speech: Encyclopaedic Dictionary-Reference Book]. Moscow, Academy Publ., 2011, pp. 106–109. (in Russ.)

Tyupa V. I. *Avtor i narrator v istorii russkoi literatury* [Author and Narrator in the History of Russian Literature]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2020, no. 1, pp. 22–39. (in Russ.)

Tyupa V. I. *Osevaya narratologicheskaya kategoriya v istoricheskoi perspektive* [The Pivotal Narratological Category in Historical Perspective]. *Studia Litterarum*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 10–31. (in Russ.)

Tripolskaya T. A. *Vydelennoe slovo v leksicheskoi organizatsii teksta* [The highlighted word in the lexical organisation of the text]. In: *Asimetriya kak printsip funktsionirovaniya yazykovykh edinits* [Asymmetry as a principle of functioning of linguistic units]. Novosibirsk, NSU Press, 2008, pp. 340–349. (in Russ.)

Valgina N. S. *Aktual'nye problemy sovremennoi russkoi punktuatsii* [Current problems of modern Russian punctuation]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004, 259 p. (in Russ.)

Vasilenko A. G. *Graficheskii vydelennoe slovo: evolyutsiya khudozhestvennogo priema (na materiale tvorchestva Yu. V. Trifonova)* [Graphically marked words: evolution of the artistic device (based on the works by Yu. V. Trifonov)]. *Sibirskii filologicheskii jurnal* [Siberian Journal of Philology], 2016, no. 1, pp. 193–199. (in Russ.)

Zaliznyak Anna A. Semantika kavychek [The Semantics of Inverted Commas]. In: Iomdin L. L., Laufer N. I., Narinyani A. S., Selegey V. P. (es.). *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Tr. mezhdunar. konf. "Dialog – 2000"*. Moscow, RSUH Press, 2007, pp. 188–193. (in Russ.)

Zhilicheva G. A. Neokumulyativnaya intriga v sovremennoi proze (na materiale romanov A. Salnikova) [Neocumulative intrigue in modern prose (on the material of A. Salnikov's novels)]. *Narratorium*, 2022, iss. 16. (in Russ.) URL: <https://narratorium.ru/2022/12/12/г-а-жиличева-новосибирск-нпгу-москва/> (accessed 01.03.2024).

List of Sources

Vodolazkin E. G. *Aviator: Roman* [The Aviator: Novel]. Moscow, AST, Elena Shubina Publ., 2017, 410 p. (in Russ.)

Vodolazkin E. G. *Opravdanie Ostrova: Roman* [Justification of the Island: Novel]. Moscow, AST, Elena Shubina Publ., 2021, 416 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Марина Александровна Лаппо, доктор филологических наук, доцент

Information about the Author

Marina A. Lappo, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 08.02.2024;
одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 10.03.2024
The article was submitted on 08.02.2024;
approved after reviewing on 10.03.2024; accepted for publication on 10.03.2024*